

ПЕВЕЦ И ВАЯТЕЛЬ

В ЛУЧШИХ концертных залах столицы перед громадными аудиториями слушателей выступили недавно победители первого и второго Международных конкурсов имени Чайковского — английский пианист Джон Огдон и «первый» любимец московской публики Ван Клиберна.

Ван Клиберн и Джон Огдон... Можно ли сравнивать столь разных художников? Сфера Клиберна — мир лирических, светлых и добрых образов. Сфера Огдона — мир напряженных, страстных, подчас суровых размышлений. Клиберн — поэт, Огдон — скорее философ. Творчество Клиберна дышит редчайшей душевной открытостью. Огдон более замкнут и лаконичен. Клиберн у рояля подобен арфе с тончайшими струнами, подставленной навстречу ветру. Огдон, кладущий руки на «клавиши», — словно молчаливый музыкальный ваятель перед глыбой еще мертвой материи.

Что роднит их? Только ли безграничная свобода и естественность публичного творчества, которые доступны лишь истинным художникам? Или непринужденность, с которой они сбрасывают долголетний пласт исполнительских штампов и воспроизводят музыку, восстанавливая непрерывность и чистоту творческого процесса, начатого еще композитором?

Искусство Вана Клиберна и Джона Огдона монументально по форме и по содержанию. Оно глубоко человечно по существу. Оно полнокровно и значительно во всех своих проявлениях, и нет в нем ничего мелкого, надрывного или легковесного. Нет ни грана того, что идет от внешней, развлекательной стороны, от «ушеугодия» и виртуозного изыска.

Музыкальность Клиберна универсальна. Глубина его поэтического чувства почти не знает границ. Ему доступны обширный диапазон композиторских стилей, включая самые современные. Шопен и Прокофьев в равной мере подвластны его вдохновению. Он как частичка извечного «музыкального духа», кочующего от поколения к поколению, — и наивного, и мудрого одновременно, и детского в своих музыкальных вкусах, и оплодотворенного творческим опытом предыдущих эпох.

Нашему национальному музыкальному чувству импонирует весь эмоциональный склад Клиберна, близость пианиста русским исполнительским традициям, и прежде всего богатейшей среди них — рахманиновской струе. Не отсюда ли громадные «клиберновские» разливы лирики, взрывы стихийной виртуозности и стальное ложе мужественных ритмов, а главное — непрерывный мелодизм как черта исполнительского почерка и свойство внут-

реннего музыкального мышления? Клиберн — поющий пианист. И понятна приверженность исполнителя к замедленным, крайне сдержанным темпам (вспомним хотя бы темп первой части Концерта Чайковского). Он все рассказывает — «распевает» до конца, не оставляя ни одного замутненного уголка. Весь пронизанный «поющим чувством», пианизм Клиберна полон спокойствия и величавой простоты.

Игра Джона Огдона вызывает глубочайшие ассоциации. В таких фигурах, как Огдон, словно оживает история европейского пианизма последних столетий, и мы ясно видим эту линию преемственности западноевропейского фортепианного творчества, которую можно пометить основным пунктиром: Бах—Бетховен—Лист—Бузони.

Музыкальное мышление Огдона полифонично по природе. Он великолепно играет классиков. Он уникальный интерпретатор Листа. Сочинения французских импрессионистов находят в нем одного из оригинальнейших современных исполнителей. Стилистический облик Огдона так рельефен и бескомпромиссен, что сочинения чужеродных стилей ему решительно не удаются. Не удастся Шопен или, скажем, Скрябин.

Огдон не эстетствует в сферах чисто звуковой стихии. И пусть не поддаются заблуждению те, кто за видимой «бесконфликтностью» его натуры, за полудетской улыбкой и вяловатой походкой этого бордача не улавливает своеобразного бунтарства. Сквозь звуковую каллиграфию огдоновского пианизма прорываются томительная и мятежная нота, неуспокоенность напряжения. Чтобы почувствовать мятежный дух Огдона, достаточно прослушать в его исполнении одну лишь фугу из Сонаты Листа си-минор.

Москва стала колыбелью подлинной славы и признания для обоих музыкантов, а московская публика — их «крестной матерью». Кто же теперь не понимает всей серьезности этой оценки? Разве найдется хоть один скептик, который назовет живые еще в памяти возгласы бушующих амфитеатров: «Огдон — первая премия!» — просто «всплесками» конкурсного ажиотажа, а груды цветов, которыми ныне осыпают Вана Клиберна, — данью затянувшейся «кумиромании»? Можно ли сомневаться в том, что за всем этим стоит огромная сила нашего музыкального общественного мнения?

Но признание Москвы — это не только награда, но и высокое доверие. Клиберн его уже оправдал. Очередь за Огдоном.

Т. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО